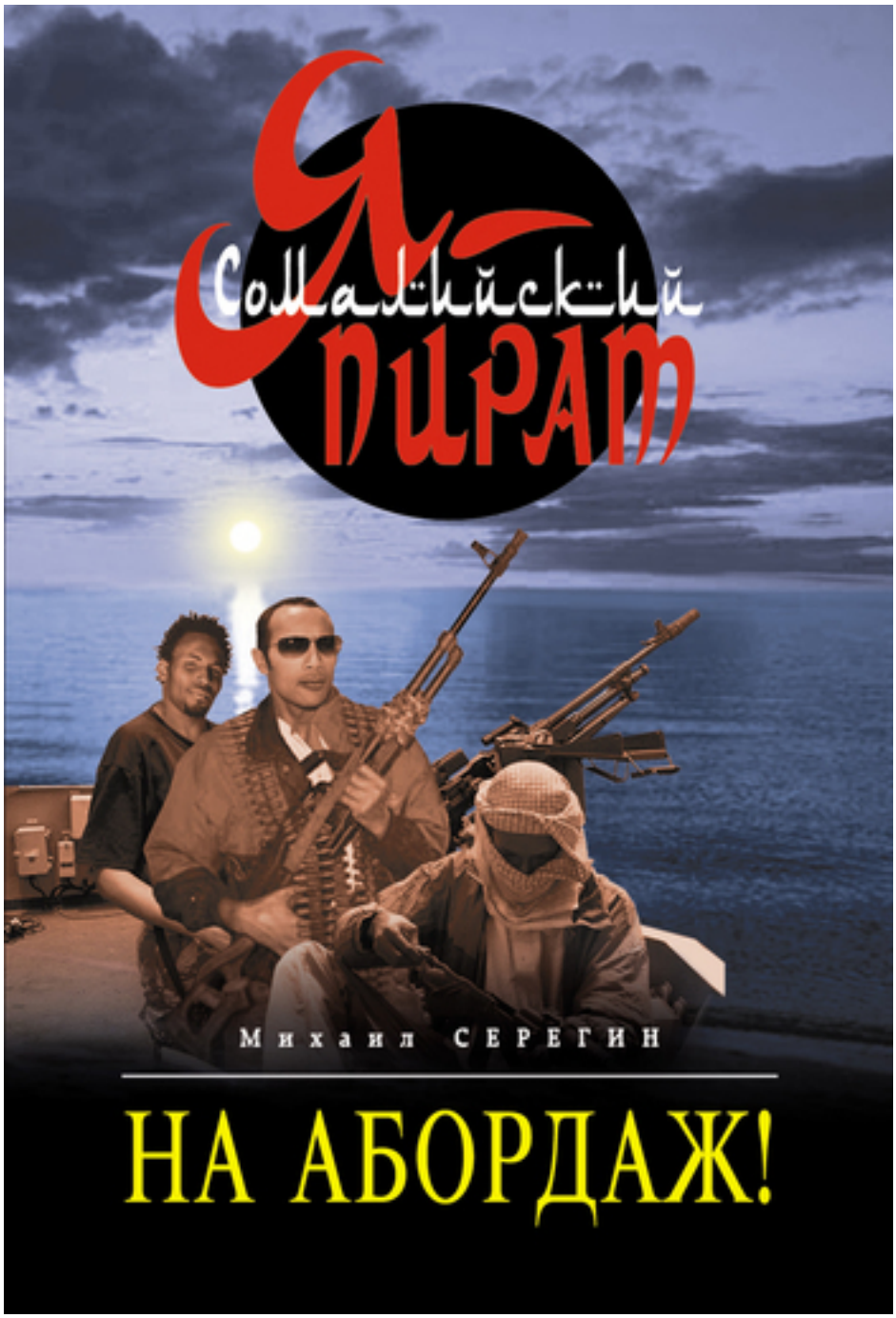
Я сомалийский пират
Михаил СЕРЕГИН
НА АБОРДАЖ!

Я – сомалийский пират

Михаил Серегин

На абордаж!

«Научная книга»
2010

Серегин М. Г.

На абордаж! / М. Г. Серегин — «Научная книга», 2010 — (Я – сомалийский пират)

У предводителя клана сомалийских пиратов Шарифа Туни поистине наполеоновские планы. Став богатым человеком, он уже подумывает отойти от разбойничьего промысла и полностью сосредоточиться на легальном и прибыльном бизнесе – производстве строительных материалов. Но молодой романтик еще плохо представляет себе реалии этого жестокого мира. Его состояние – лакомая добыча для вождей соседних кланов и западных бизнесменов. И ведут они себя как отъявленные пираты, которые понимают лишь язык силы...

© Серегин М. Г., 2010
© Научная книга, 2010

Михаил Серегин
На абордаж!

Пьетра была прекрасна. Яркая розовая косынка, одним концом заброшенная на плечо, темные очки, легкая просторная блуза, естественная смуглость кожи южанки, тронутая африканским загаром, легкий макияж – все это делало молодую итальянку чертовски привлекательной. Пьетра умело не переходила грань, после которой внешность под воздействием макияжа становилась вызывающей. На родине, в Неаполе, у нее наверняка был «Ламборгини» или «Феррари». Но и здесь, в Африке, она не ограничилась заурядной городской машиной или внедорожником, которыми пользовались другие иностранные журналисты. Она подлетела на ярко-красном «Мустанге»-кабриолете, твердой рукой крутанула спортивный руль и прижала машину к тротуару. В этом была вся Пьетра, молодая журналистка из Италии, дочь крупного медиа-магната и издателя Антонио Сарто, руководившая серьезным проектом в Северной Африке, – порывистая, импульсивная, с быстрым умом. В ее офисе все кипело и бурлило. Журналисты, политологи, экономисты, обозреватели, специалисты по культуре – все, кто участвовал в крупном европейском проекте, заряжались от своего босса этой неукротимой энергией и оптимизмом.

Цель проекта была проста. Хотя для многих непосвященных создавалась иллюзия чуть ли не гуманитарной помощи Северной Африке, на деле все было не так. Крупные финансисты Италии, Испании, Франции, Германии объединились в намерении изучить обстановку в этом регионе и подать ее деловому миру в нужном свете, при этом подать объективно, подтверждая фактами, анализом, цифрами – правда, умело завуалировав риски. Генеральная цель проекта состояла в привлечении европейских инвестиций в регион – при своем посредничестве, прокачивая астрономические суммы через свои банки и страховые компании. Для этого и изучались экономическое положение и текущие тенденции, оценивался ресурсный потенциал, проводились социальные и культурологические исследования. Особый упор делался на изучение политических лидеров, течений, различных оппозиций и просто преступных кланов. Выискивались связи от родственных до экономических, оценивались политические перспективы и строились прогнозы.

Всей этой глубокой подноготной Шариф не знал. Ему было достаточно того, что Пьетра работала в Сомали, выезжала в соседние страны и он мог ее часто видеть. Вот и сейчас, сидя за столиком дорого ресторана на набережной, он с замиранием сердца реагировал на звук каждой подъехавшей машины. А когда подъехала Пьетра, сердце молодого пирата забилось так гулко, что, казалось, его удары услышали люди, сидевшие за соседними столиками.

Пьетра вошла в прохладу кондиционированного помещения быстрым шагом и направилась к Шарифу. При этом она быстро оценила произведенное ею впечатление на присутствующих мужчин. Для поддержания созданного эффекта он не чмокнула Шарифа в щеку, как обычно, а величаво и изящно протянула руку. Шариф привстал, включаясь в предложенную игру, и приник губами к ухоженным пальчикам девушки.

– Еле вырвалась, – объяснила Пьетра, сбрасывая косынку на спинку стула и снимая черные очки. – Столько всего накопилось, что можно сутками с работы не уходить.

– Но у тебя же столько помощников, могла бы поручить свои дела кому-нибудь из них, – с улыбкой обожания посоветовал Шариф.

– Я – босс! – веско и поучительно ответила журналистка. – А босс должен все знать, во всем разбираться и обо всем иметь свое собственное суждение. Босс не может позволить, чтобы хоть какая-то часть материалов прошла мимо него и без его ведома. Кстати, это ты должен понимать и сам. Как босс.

– На меня работают мои помощники, – пожал плечами Шариф, – и я им доверяю.

– Смотри, продоверяешься, – покачала головой девушка. – Хотя у тебя несколько… э-э, иной вид деятельности… Ну, ладно. Давай свой сюрприз. Только имей в виду, что если он меня не поразит, как было обещано, то месть моя будет страшной.

– Ты красивая, – с затуманенными от блаженства глазами заявил Шариф. – Как же твоя месть может быть страшной? У такой красивой женщины ничего страшного просто быть не может.

– Хорошо, – сверкнула хищной белоснежной улыбкой Пьетра, – моя месть не будет страшной, она будет прекрасной. Но тебе от этого не легче, потому что от моего возмездия тебе все равно не уйти!

Шариф увидел, как в проходе между столиками показался официант с блестящим столиком на колесиках, уставленным закусками и бутылками. Это был европейский ресторан, потому что ходить в национальные «пункты питания», как их называла Пьетра, девушка отказывалась. Ей нужен был соответствующий привычный интерьер, публика. А национальную кухню, если есть желание, можно попробовать и здесь. А еще, в отличие от национальных заведений, здесь можно было курить и употреблять алкоголь.

Молодой человек с искренним умилением смотрел, как прекрасная журналистка изящно выкурила тоненькую сигаретку, а потом, без умолку щебеча про свои журналистские дела, потягивала аперитив. Продолжала Пьетра ворковать и когда подали горячее. Шариф слушал девушку и в который раз благодарил Аллаха, что тот свел его с этой прекрасной итальянкой в прошлом году в Аравийском море. Красивая и богатая яхта «Анна», которую ее владелец бизнесмен Луиджи Паголетти назвал в честь молодой жены, попалась в открытом море сомалийскому пирату Шарифу Туни совершенно случайно. Но сам Шариф видел в этом знак судьбы, как и в том, что на борту оказалась еще и прекрасная подруга Анны Паголетти – Пьетра Сарто. Шариф тогда вляпался в Малайзии в крупные неприятности, связавшись, как выяснилось, с «Аль-Каидой». Спасая свою жизнь и жизнь своих людей, молодой корсар отпустил тогда яхту практически без выкупа – хотя и понимал, что в этой ситуации, оставившей его без добычи, немаловажную роль сыграла хитрость Пьетры. Заморочила она тогда ему голову, окутала своими чарами. И вот итальянка опять здесь, и между ними романтические отношения…

Только после изысканного обеда с прекрасным, по словам девушки, белым вином, снова возник вопрос об обещанном сюрпризе. Шариф с готовностью подскочил в своем кресле, глаза его горели от восторга и нетерпения. Пьетра с улыбкой наблюдала за молодым сомалийцем – большой черный ребенок, наивный, со странным русским прошлым, который, несмотря на свою наивность, за три года стал миллионером и уважаемым на всем побережье человеком.

Пьетра знала историю жизни Шарифа. Разумеется, не от него, потому что юноша говорил о своем прошлом очень неохотно. Знала она его историю от знакомых полицейских чинов и других «источников», близких по духу и роду занятий самому Шарифу. Журналистка знала, что сомалийца еще мальчишкой подобрал в открытом море русский корабль. В России он некоторое время жил в семье капитана спасшего его судна, учился в интернате и даже в мореходной школе. Говорили, что там, в России, у него была какая-то любовь. А потом Шариф не выдержал унижений, которым его подвергали, нанялся на первое же попавшееся судно матросом и ушел в море. Во время пиратского нападения на это судно в Аденском заливе перешел к пиратам. Пьетра не видела ничего удивительного в быстром взлете Шарифа на родине за счет криминальных доходов. При определенной удачливости «лихие деньги» могут быть очень большими, а в современном Сомали можно не особенно утруждать себя легализацией этих доходов. Достаточно определенных связей и проверенных ходов. Связи и возможность делать эти ходы растут прямо пропорционально тем же доходам.

Единой централизованной власти в Сомали – точнее, на территории, обозначенной на всех картах как Республика Сомали, – по сути, не существовало. Разоренная гражданской войной и раздробленная в результате борьбы сепаратистов различного толка, страна была золотым

дном для авантюристов, преступников и вообще всех тех, кто умел ловить рыбку в мутной воде. Переходное федеральное правительство, существующее в Сомали, теоретически признается многими странами в качестве законной власти, но в настоящее время оно реально контролирует лишь город Могадишо и его окрестности. Юг и юго-запад страны контролируются формированиями исламистских движений «Аш-Шабааб» и «Хизб-уль-Ислаами». Северная часть территории Сомали объявила себя государством Республика Сомалиленд, правда, не признанным почти никем, кроме нее самой. По некоторым данным, которыми располагала Пьетра, Сомалиленд пытается признать независимым ряд стран мира, которые заинтересованы в нарастании стабильности на Африканском Роге; в частности, в столице Сомалиленда Харгейсе существует эфиопское посольство. Именно прежде всего Эфиопии выгоднее всего иметь под боком демократическое государство со всеми присущими атрибутами власти и полным контролем над территорией.

Увы, в настоящее время сепаратистские движения все еще существуют и на территории собственно Сомалиленда. Сначала отделились регионы Нортленд и Маахир, которые позже присоединились к Пунтленду. Анализ обстановки показывал, что и регион Ауда на западе самопровозглашенного государства также тяготеет к полной независимости. И это при всем том, что Переходное федеральное правительство Сомали не признает суверенитета самопровозглашенных автономий Пунтленд и Галмудуг, а также отделившихся от Сомалиленда государственных образований Маахир и Нортленд, фактически уже вошедших в состав Пунтленда. Многие политологи полагают, что в будущем эти территории в качестве штатов, наряду с Сомалилендом и, очевидно, с занятыми радикальными исламистами Джубалендом и Юго-Западным Сомали, образуют единое федеративное сомалийское государство.

Обстановка осложняется и тем, что приоритеты постоянно меняются (или кто-то шантажирует мир и своих политических партнеров видимостью смены приоритетов). Автономный район Пунтленд (по пунтлендской конституции 2001 года – Сомалийское Государство Пунтленд) в настоящее время поддерживает Переходное федеральное правительство и видит себя автономной частью будущего единого федеративного Сомали. По сути, на современном этапе именно он стал ядром для сплочения новой сомалийской государственности. Между тем в центральной части Сомали продолжает действовать несколько небольших враждующих вооруженных группировок, включая и кланы сомалийских пиратов, пытающихся всячески отстаивать свою самостоятельность по отношению к федеральным властям. Некогда Центральные Штаты Сомали представляли собой межклановое государственное образование; теперь же практически весь регион контролируется умеренными исламистами. Но хуже всего дело обстоит с югом страны. Союз исламских судов фактически раскололся на радикальных (юг Сомали) и умеренных (центр Сомали) исламистов, ныне ведущих между собой военные действия. Некогда значительная политическая сила – Фронт сопротивления Раханьен на юго-западе страны – тоже контролируется радикальными исламистами. Кроме того, ряд территорий вообще не имеет какой бы то ни было централизованной власти, а управляется главами местных племен.

И все же, несмотря на то что Пунтленд и Сомалиленд оставались в последнее время наиболее спокойными районами, коррупция чиновников и их связи с криминалом были очень глубоки. Нищета большей части населения создавала благодатную почву для того, чтобы люди вставали на сторону того, кто давал им работу и пищу. А Шариф Туни давал ее большому количеству людей. Много чиновников кормилось вокруг него, включая и офицеров полиции, порой очень высокопоставленных.

– Ну! – вскинув брови, поинтересовалась Пьетра. – И где же твой обещанный сюрприз?

– Он стоит у причала, – с дрожью нетерпения в голосе ответил Шариф. – Поехали, я покажу его тебе во всей красе.

Пьетра не стала дальше расспрашивать молодого человека. Кивнув с улыбкой, она мельком глянула на часы и с готовностью поднялась. Ей становилось все интереснее и интерес-

нее. Неужели сомалиец, некогда покоренный красотой яхты четы Паголетти, друзей Пьетры, решил обзавестись чем-то подобным? Мальчик, в очередной раз подумала журналистка, большой мальчик. Зачем ему яхта, что он с ней будет делать – красоваться перед другими пиратскими главарями? Или он считает, что теперь, уже став владельцем нескольких заводов, просто обязан соответствовать образу крупного бизнесмена?

Подав девушке руку, Шариф повел ее к выходу из ресторана, загадочно улыбаясь. Учтиво открыв дверцу своего «Лендкрузера», он помог спутнице забраться в обширный салон с тонированными стеклами. Интересно, снова подумала журналистка, а машина у него не из самых дорогих. Его коллеги давно уже ездят на «Бентли» и «Крайслерах»… Может, все это время он копил на яхту? Или юный сомалиец стал скуп?

В машине Шарифа Пьетра чувствовала себя не очень уютно, испытывая что-то сродни клаустрофобии. С самой юности, когда у нее появилась своя первая машина, она привыкла к кабриолетам, ветру, треплющему волосы, и огромному голубому неаполитанскому небу над головой. Здесь, в Африке, ее устраивало и сомалийское небо; правда, пыли было больше, но влажную уборку в ее «Мустанге» специальный человек делал два раза в сутки. Утешившись кондиционированным воздухом, Пьетра с интересом следила, куда направит свою машину ее друг. Ее предчувствия оправдались. Шариф поехал в дальнюю часть порта, где стояли пришвартованные частные суда. Было много моторок, небольших катеров, каких-то старых буксиров, но особняком стояли дорогие суда, в том числе и несколько морских яхт.

Шариф остановил машину, заглушил двигатель и поспешно выскочил из кабины, чтобы открыть дверцу своей спутнице. Пьетра, выросшая в богатой семье, тем не менее не привыкла к таким услугам, потому что всю жизнь ездила за рулем сама, без личного водителя. Выпорхнув из машины на пропахший солнцем и морской водой, белый от времени бетон пирса, она стала осматриваться. Молодой сомалиец молча потащил ее за руку вдоль судов и остановился, гордо показывая на большой белоснежный катер с такими плавными очертаниями изгибов бортов и рулевой надстройки, что невольно возникало ощущение, что судно вот-вот само сорвется со швартовых и понесется по морю, не касаясь воды. Длиною катер был около десяти метров, с рубкой обтекаемой формы и странными антеннами, наводившими на мысль о присутствии всех самых современных средств связи и навигации. На борту красовались золотые буквы «Stormbringer».

– Ну, как он тебе? – спросил Шариф, сияя, как начищенная судовая рында.

– Красив, ничего не скажешь, – оценила журналистка. – Только чего же так скромно? Я ожидала увидеть морскую яхту…

– Как у твоей подруги Анны? – усмехнулся Шариф. – Извини, я не любитель пассивного времяпрепровождения. Скучно.

– То-то я и смотрю, что название такое помпезное выбрал для своего катера – «Несущий бурю»! Не боишься?

– Чего? – не понял Шариф.

– Упоминать в названии про бурю. Корабли очень часто, если верить старым морякам, оправдывают свои названия. Так сказать, живут и умирают в соответствии.

– А, понял, – рассмеялся Шариф, – как у капитана Врунгеля… – И тут же добавил по-русски: – Как вы яхту назовете, так она и поплывет.

– Это ты сейчас по-русски говорил? Какой капитан Врунгель?

– В России я такой мультфильм видел, – весело стал объяснять Шариф. – Там главный герой – капитан Врунгель. Он назвал свою яхту «Победа» (это слово юноша произнес по-русски), но перед самым отплытием отвалились первые буквы. И получилась «Беда»… Собственно, на этих бедах и приключениях построен весь сюжет мультфильма. Но я в своем названии не притягиваю бурю, а несу ее другим. Это совсем другое!

Шариф жестом подозвал дежурного матроса, который распоряжался на пирсе, и попросил перекинуть на борт катера деревянный трап с веревочными леерами безопасности по бокам. Проскрежетали металлические ролики, и Шариф первым шагнул на палубу своей дорогой игрушки, протянув руку журналистке. Матрос пирса быстро откатил назад трап и, когда заурчал мотор катера, по знаку Шарифа быстро сбросил швартовые концы с береговых кнехтов.

Пьетра стояла на палубе, озираясь по сторонам, пока юноша выводил свой катер на чистую воду на малых оборотах. Позади ходового мостика, крыша которого на ее глазах поехала назад и вниз, как у кабриолета, имелся люк, очевидно, ведущий куда-то в недра судна. С палубы сам катер уже не казался таким маленьким. Здесь имелись мягкие кожаные лавки вдоль бортов, между спинками лавок и самими бортами располагались крышки небольших люков. Наверное, там можно было хранить какие-нибудь вещи, решила девушка. Функционально, ни одного метра палубы не пропадало бесполезно. На ее глазах медленно выполз козырек и накрыл от солнца почти половину палубы. Механизм напомнил Пьетре рольставни.

– Пьетра, иди сюда! – крикнул сверху Шариф.

Журналистка быстро взбежала по небольшой металлической лесенке на ходовой мостик. Перед штурвалом имелось два удобных кресла с подголовниками, а на приборной доске девушка увидела столько ручек, кнопок, стрелочек и датчиков, сколько не видела даже в пилотской кабине отцовского маленького реактивного самолета.

– Садись, – предложил Шариф. – На твоем месте я бы пристегнулся.

– На взлет пойдем? – пошутила Пьетра.

– Почти, – кивнул юноша. – Я не стал бы называть сюрпризом обычный катер. А раз я назвал его сюрпризом, то готовься удивляться и восхищаться.

После того как журналистка уселась в кресло рядом с Шарифом и, купившись на его шутку, непроизвольно глянула в поисках ремней безопасности, сомалиец что-то нажал на приборной доске. Послышался мощный гул. Затем вперед пошла сдвоенная рукоятка, похожая на управление тягой в самолетах. Гул стал сильнее, и через пару секунд катер стал набирать скорость. Таких ощущений у Пьетры на катерах и яхтах еще не было. Сначала судно стало поднимать нос над водой, а затем девушку вдавило в спинку кресла. Такой скорости на воде она еще никогда не видела.

– Максимальная скорость восемьдесят узлов. Это около ста сорока километров в час, – с довольным видом пояснил Шариф. – Специальный проект – сочетание легкости, прочности и устойчивости. Центр тяжести так низко, что катер вернется в надводное положение, даже если его перевернет волной во время шторма.

Пьетра с интересом посмотрела на корпус судна. Она видела нечто подобное в старой кинохронике, когда показывалась атака торпедных катеров времен Второй мировой войны. Шариф как будто прочитал ее мысли.

– Судно бронированное – и корпус, и ходовая рубка выдерживают попадание осколков от снарядов автоматических пушек. Но это еще не все! – Шариф что-то сделал на приборной доске, и перед рубкой в носовой части палубы открылся люк. С легким гудением электромоторов поднялись два ствола. – Спаренный 12-миллиметровый пулемет!

Неожиданно орудие с грохотом открыло огонь, и в море по курсу катера потянулись две трассирующие дорожки. От неожиданности Пьетра испуганно вжалась в сиденье, а катер, круто изменив курс и почти лежа на боку, развернулся на девяносто градусов. Центробежной силой девушку бросило на стенку рубки. Увидев, что Пьетра ушиблась, Шариф сбавил скорость и бросился к ней.

– Ненормальный! – отпихнула его девушка. – И игрушки у тебя ненормальные!

– Извини, я просто увлекся, – стал оправдываться Шариф. – Ну, хочешь, дам тебе порулить?

– К черту этого твоего монстра! – отмахнулась девушка. – Танк на подводных крыльях!

– Нет, – возразил Шариф на полном серьезе. – Тут не подводные крылья, тут немного другое – принцип экраноплана.

– Сколько же дури в твоих моторах?

– Много, очень много, – засмеялся Шариф. – И топлива жрет тоже очень много. Правда, на экономичном режиме в сорок-пятьдесят узлов его баков хватит на четыре дня пути. А вот если нужна бешеная скорость, тогда расход увеличивается почти в три раза.

– Ты чего управление бросил, камикадзе? – испугалась Пьетра.

– Я не бросил, – хитро прищурился Шариф. – Это то же самое, что автопилот в самолетах, только лучше. Катер сам может держать курс, сам будет обходить мели и надводные препятствия, причем и движущиеся тоже, и по самому оптимальному пути. А если разыграется боковая волна и возникнет опасность опрокидывания, то гироскопы автоматически будут переводить катер с галса на галс, чтобы идти поперек волны. Но в то же время компьютер будет отслеживать основной курс. Даже подсказывать километраж, пройденный по прямой. Этим чудом современной техники можно вполне управлять в одиночку и смело идти через океан. Хочешь, спустимся вниз? Там есть две маленькие каюты, кают-компания с камбузом и самый настоящий ватерклозет!

– Нет уж, – отмахнулась Пьетра, – хватит с меня на сегодня сюрпризов. Вези меня назад, а то мне надо собираться в командировку.

– Куда? – расстроился Шариф, мечтавший, что сегодняшний день закончится совсем по-другому.

– В Джибути, на несколько дней.

Погрустневший Шариф развернул катер и повел его обратно в порт. Сюрприза не получилось, катер не поразил Пьетру до такой степени, как хотелось бы молодому человеку. А ведь он замышлял его целый год и денег угрохал столько, что можно было и в самом деле купить небольшую роскошную прогулочную яхту. Никак не удавалось юноше поразить молодую журналистку. Вот и этот проект не совсем удался. Точнее, с катером удалось как нельзя лучше, а вот с отношением к нему Пьетры…

Расставание Шарифа с молодой итальянкой прошло несколько холодновато. Всю дорогу до ресторана, где Пьетра оставила свою машину, она подсмеивалась над юношей, считая его катер большой и дорогой игрушкой. Девушка намекала, что все это – игры в кораблики, так же как некоторые играют в машинки. Она считала, что Шарифу нужно гораздо больше внимания уделять легальному цивилизованному бизнесу, в который он начал вкладывать деньги. Короче, пора взрослеть. По ее мнению, и от пиратства тоже пора уходить. Что было, то прошло. Времена могут измениться, и желательно, чтобы потом мало кто мог вспомнить, за счет чего разбогател в свое время господин Туни. Да и ненадежно пиратство, несмотря на то что сам Шариф на морские набеги практически уже не выходил.

Проводив взглядом машину журналистки, сомалиец тронул машину и медленно покатил в сторону респектабельной части города. То, что должно было стать сегодня небольшой романтической паузой в делах юноши, оказалось последним событием до конца дня. Доехав до смотровой площадки около торгового центра, Шариф припарковал машину в тени пальм и выключил двигатель. Размышляя о своих отношениях с богатой итальянкой, он никак не мог понять, с какой долей уважения она вообще к нему относится. Редкая их встреча обходилась без бурных ссор. Правда, они быстро и не менее бурно мирились, но осадок в душе молодого пирата все равно оставался. То ли потому, что Пьетра выросла в семье с большим достатком, то ли привыкла общаться с крупными бизнесменами и знатными аристократами, но у Шарифа было стойкое ощущение того, что она относится к нему свысока. Это не мешало ей ложиться с ним в постель и вообще приятно проводить время. Может, именно она относится ко мне как к игрушке, думал Шариф. Молодой, высокий, хорошо сложенный, а в последние годы еще и

ставший весьма состоятельным, он понимал, что может привлекать к себе женские взгляды. Но это касается соотечественниц, а почему на него обратила внимание итальянская журналистка? Склонность к авантюрам, к экзотике? Африканец и богатая взбалмошная женщина… Шариф даже боялся думать о будущем их отношений, хотя сам был влюблен в Пьетру, как говорилось в России, по уши. А любит ли итальянка его? В моменты близости у нее проскальзывали нежные слова, но и только.

Появившийся на смотровой площадке человек отвлек Шарифа от мучительных мыслей. Маленький худощавый сомалиец средних лет потолкался среди туристов на площадке, полюбовался видом на залив и порт. Тайком оглянувшись и убедившись, что не является объектом чьего-либо внимания, человек двинулся вдоль парковки. Подойдя к машине Шарифа, он бросил последний внимательный взгляд по сторонам и открыл дверку.

Этого маленького щуплого сомалийца Шариф знал давно. Звали его Уммо, и был он порученцем для важных и щепетильных дел своего хозяина, чиновника таможни. Последний поставлял Шарифу нужные и важные сведения уже второй год. Сейчас Уммо принес информацию об интересных судах, которые вскоре должны пройти Аденским заливом и Аравийским морем.

– Мой уважаемый хозяин просил встретиться с вами, господин Туни, – проговорил Уммо и полез за пазуху.

Шариф поморщился, услышав слово «хозяин». Никак он не мог привыкнуть, что местное население относится к государственным служащим как к хозяевам – то ли по безграмотности, то ли менталитет сказывается. Хотя для Уммо его босс как раз и был хозяином. Вряд ли этот маленький сомалиец состоял на государственной службе. Скорее всего, он типичный подручный для всяких полузаконных поручений. Личные штаты.

– Вот, смотрите, господин Туни, – Уммо протянул Шарифу листок бумаги. – Восемь судов, которые должны вас заинтересовать. Чтобы не было путаницы, здесь помечено, кто судовладелец и каков уровень его состоятельности.

Шариф это понял. Пару раз, в самом начале сотрудничества, такое уже бывало. Туни захватил судно с грузом, который не представлял особой ценности. За командиров он потребовал выкуп, а оказалось, что судовладельца, как такового, и не было. Был один предприимчивый человек на берегу, который достал старенькое судно по низкой цене; вместе с другим человеком они нашли кое-какие деньги и привели сухогруз в порядок, подняли мальтийский флаг и начали потихоньку возить грузы, не особенно рассчитывая по первому времени на большие доходы. Требовать денег с людей, которые сами «в долгах как в шелках», было глупо. С тех пор Шариф стал запрашивать дополнительную информацию. Не очень он любил угонять суда и прятать их на побережье до тех пор, пока не удастся реализовать груз. Канители много, большие затраты на содержание в плену экипажа… К тому же на побережье уже дважды высаживались иностранные морские пехотинцы и освобождали заложников и суда. Шарифа это пока не коснулось, а вот его знакомые главари пострадали от таких акций. Он смутно представлял, как такие десанты вяжутся с международным правом и с чьего разрешения высаживалась морская пехота, но то, что мировая общественность приветствовала действия военных, прекрасно знал.

Проблематичным стал и вариант перегрузки содержимого трюмов захваченного корабля прямо в море. Раньше Шариф такое проделывал, но теперь очень часто суда стали ходить под конвоем, да и просто караванные пути стали патрулироваться военными кораблями многих стран. Так что ценность каждого отдельного грузового судна была относительной. Вот какой-нибудь небольшой круизный лайнер или богатая яхта – это да! Там добыча сразу и без дополнительных телодвижений. Выгреб все драгоценное из кают и бумажников, поснимал украшения с богатых дамочек – и все. Работы на час, и никаких выкупов, перегонки судов, захватов заложников. Но такие подарки судьба подбрасывала редко. Да и конкуренция между пират-

скими кланами возросла. Споры, а зачастую и вооруженные столкновения стали вспыхивать очень часто, чуть ли не из-за каждой мили водного пространства.

– А это что? – хмуро спросил Шариф. – Я же говорил, чтобы русские суда мне не подсовывали! А на этом судне экипаж русский.

– Да какой же русский, господин Туни? – искренне удивился Уммо. – Украинский, белорусский…

– А ты знаешь, что совсем недавно это была одна страна? – повысил голос молодой пират.

– Мы тоже когда-то были одной страной, – горестно заметил Уммо, – а что теперь?

– Не морочь мне голову! Если там сборные экипажи, то наверняка есть и русские моряки. А с ним я не воюю, запомни!

– Это же все на ваше усмотрение, господин Туни! – испугался Уммо. – Вы вольны сами выбирать объект из списка, который вам предложил мой уважаемый хозяин…

– Дерьмо твой список! – взорвался негодованием Шариф. – Из восьми судов три русских или с русскими экипажами, а оставшиеся пять такие, что за них и цента не дадут. Твой хозяин случайно не подсовывает лучшие корабли моим конкурентам? Договор какой был? Работаете только на меня и с каждого судна получаете свой кусок! А это что? Не список, а кусок туалетной бумаги!

Шариф еле сдерживал бешенство, понимая, что бесится, по сути, только из-за Пьетры. Уммо с его хозяином были здесь совершенно ни при чем. И список, который принесли Шарифу, практически ничем не отличался от всех предыдущих. Иногда там попадались весьма лакомые кусочки, а иногда выбрать себе цель было совсем уж не из чего.

– Я прошу вас не сердиться, господин Туни, – это все корабли, о которых можно было хоть что-то узнать, – стал горячо говорить Уммо. – Поверьте, мой хозяин совсем не хотел вызывать ваш гнев. Он будет, как и прежде, извещать вас обо всех судах и не нарушит вашей договоренности. Мой хозяин человек слова и чести, он никогда не нарушает…

– Хватит! – прервал Шариф своего собеседника. – Ладно, признаю, я погорячился. Извини, Уммо.

Маленький сомалиец послушно замолчал, испуганно косясь на молодого пирата. Наверное, дела у этого Туни идут не очень хорошо, думал Уммо, вот он и сердится на всех вокруг. На самом же деле Шарифа сейчас волновало только одно – его отношения с Пьетрой. Ему вообще не хотелось ничем заниматься, и на эту встречу он приехал автоматически, как бы на автопилоте. Если бы волна раздражения накрыла его раньше, то Шариф давно бы уже развернул машину и рванул к себе домой. Лекарства от хандры у него было два: он или запирался у себя в кабинете и сутками лежал, уткнувшись в подушку, или собирал своих людей и выходил с ними в море на разбой. Бывало, что все его группы уже были в море, и тогда он заводил катер и плыл один. Чаще всего ему не удавалось найти своих бойцов, и Шариф возвращался – но уже немного успокоенный бешеной гонкой по волнам, солеными брызгами и морским ветром.

– Ладно, Уммо, иди и поблагодари от меня своего хозяина. Только не вздумай рассказывать все то, что я тут говорил. Расскажешь – я тебя рано или поздно поймаю и скормлю акулам. По кусочкам. Понял?

– Конечно, господин Туни, – заверил Уммо, прижимая руки к груди, – я ни словом не обмолвлюсь. Я же понимаю, что у любого человека может быть плохое настроение. Тем более у такого человека, как вы. Большой человек, большие заботы… Я пойду, господин Туни, и передам моему хозяину только слова искренней благодарности от вас.

Уммо выскочил из машины, и Шариф, развернувшись на площадке, двинулся в сторону своего дома на побережье. В городе у него была еще масса дел, но заниматься ничем больше не хотелось. И завод строительных материалов подождет – там главный менеджер должен был предоставить отчет и получить одобрение на модернизацию производства. И гостинично-развлекательный комплекс подождет. Строительных работ там еще на целый год, и день или два

ничего не решат. «Пошли вы все в… – со злостью по-русски подумал Шариф, – и даже еще дальше!»

Он гнал машину по шоссе, которое скоро должно перейти в загородное. Потом покрытие станет разбитым и пыльным, и придется лавировать, объезжая разбитые участки, постоянно сбрасывать скорость и притормаживать. Вот и занятие на несколько часов. Шариф опомнился и достал из перчаточного ящика диск. Вставил его в дисковод аудиосистемы и приготовился к путешествию в прошлое, в свою юность. Этот диск с песнями российской эстрады пятилетней давности он купил два месяца назад. Слушал он его только в одиночестве, чтобы никто не мешал вспоминать заснеженные сопки, уютные городки Дальнего Востока, прогулки под вечерними фонарями с русской девушкой Асей и пирожки с картошкой, которые пекла одна русская бабушка, баба Настя…

Когда старый Юсуф, живший теперь вместе с Фатимой в доме Шарифа, наконец объяснил, что пришли не только простые пастухи, Шариф разрешил привести всех в его каминный зал. Эта часть первого этажа его виллы была самой настоящей гордостью хозяина. Помимо обязательного камина, который, по мнению Шарифа, должен украшать богатый дом, зал был украшен недавно доставленными головами леопарда, льва, молодого бегемота и крокодила. Еще Шариф развесил на стенах яркие туземные маски из Центральной Африки, ритуальные щиты и копья каких-то племен. Сам того не понимая, молодой человек нагромоздил в каминном зале один стиль на другой. Лепнина и своды в стиле мавританской Испании, охотничьи трофеи и туземное оружие в староанглийском колониальном стиле; мягкая мебель вообще была изготовлена в стиле неомодерн. Пьетра попыталась в свое время объяснить Шарифу, что интерьер каминного зала безвкусен и нелеп, но молодой пират воспринял критику с обидой – почти год он собирал и развешивал экспонаты по своему замыслу. Особенно нелепо среди чучел выглядел телевизор – полутораметровая «плазма».

Шариф спустился вниз. В каминном зале, сбившись в кучу, боязливо озирались человек десять в самых разных одеждах. В основном это были крестьяне, владельцы и пастухи небольших овечьих и верблюжьих стад. Но среди них выделялись двое, явно городские жители, люди зажиточные, явно приехавшие на машинах. Обменявшись приветствиями, как того требуют обычаи, Шарифу пришлось еще минут пять отвечать на вопросы о здоровье родных и близких, о том, как идут его дела, выслушать пожелания.

Наконец посетители перешли к делу, и вперед выступил пожилой сомалиец:

– Меня зовут Хасан Абу-л-Хайр. Ты знаешь меня, уважаемый Шариф, я поставляю много товара для торговли на базаре.

– Да, я знаю тебя, уважаемый Хасан, – кивнул Шариф, который действительно знал этого старого контрабандиста. – Ты хочешь говорить от имени всех?

– Да, если ты не против. Народ мне доверяет, считая честным и справедливым в спорах и делах.

– Я знаю об этом и с удовольствием выслушаю тебя. Говори, с чем вы пришли в мой дом?

– Это пастухи и торговцы скотом, – обвел рукой присутствующих Хасан. – Сейчас побережье пусто, но когда-то, когда ты был еще ребенком, здесь паслись многочисленные стада. Торговля поголовьем и мясом шла хорошо. Сейчас жизнь в наших краях налаживается, но жить простым людям по-прежнему тяжело. Мы хотим вернуться на пастбища, снова разводить верблюдов и овец. Это хорошее занятие, оно сможет прокормить весь район и дать работу многим людям. Скот надо пасти, за ним нужно ухаживать, его нужно перегонять и забивать. Это работа.

– Я согласен, что это будет хорошо для местных жителей, – кивнул головой Шариф. – Но зачем вы пришли ко мне? Я не хозяин этих земель. Пастбища ничьи.

– Мы тоже так думали, но власти требуют с нас деньги за использование пастбищ и не разрешают разводить и пасти скот. У тебя же, уважаемый Шариф, есть люди, которые хорошо разбираются в законах. Мы просим твоей помощи.

– Ах, вот оно что, – рассмеялся Шариф. – Кто-то из чиновников решил заработать деньги на вашем незнании законов… Хорошо, уважаемые, я помогу вам.

Но тут в голову Шарифу пришла совершенно другая мысль. А почему бы не потратить свое время, да и какие-то деньги на то, чтобы самому заняться этим бизнесом?

– Вот что, – заявил юноша, – я не только помогу вам советом, но и приму участие в ваших делах. Я тоже займусь скотоводством. Вы будете пасти и мой скот, а я за это возьму на себя решение всех вопросов с властями. Согласны вы на взаимовыгодное сотрудничество? Меня никто не тронет, а значит, и ваши стада будут в безопасности. Например, это будет выглядеть так – я буду постепенно закупать поголовье и платить вам за уход и выпас. Зачем же мне специально нанимать пастухов?

Шариф не успел закончить свою мысль, услышав, как во двор его дома, взревывая прогоревшим глушителем, въехал знакомый разбитый «Форд». Он знал эту машину. Ее не так давно купил паренек из его рыбацкой деревни по имени Тарик.

У шестнадцатилетнего Тарика обнаружился природный талант к технике. Мальчишка был щуплый, слабенький, но рвался в море вместе со взрослыми мужчинами. Рыбак, а тем более пират из него не получился бы, но Шариф вовремя заметил тягу Тарика ко всяким механизмам. Он заплатил деньги за обучение пацана, и через шесть месяцев тот вернулся в деревню хорошим механиком, чувствующим технику нутром и понимающим ее. Теперь у Шарифа был свой механик. Его катера имели хороший уход и нормальный ремонт. Это касалось и дизельного генератора, который Шариф купил для деревни, и всех стареньких автомашин, которыми обзавелись рыбаки. Свой «Форд» Тарик купил сам и постепенно приводил его в порядок.

То, что парень прилетел так неожиданно и с заметной спешкой, Шарифу не понравилось. Извинившись перед гостями, молодой пират шагнул к двери, но в зал уже влетел возбужденный Тарик.

– Шариф, у нас беда! – выпалил паренек и запнулся, уставившись на гостей.

По лицу Тарика капитан понял, что случилось что-то очень нехорошее. Он повернулся к делегации и попросил прощения, что не может сейчас продолжить разговор. Гости удрученно закивали головами, соглашаясь, что такой важный человек, как господин Туни, обременен важными делами, но они придут в следующий раз, когда позволит господин Туни.

Шариф вытолкал Тарика на улицу и приказал рассказывать.

– Фарах, – начал говорить паренек, побледневший от волнения. – Он не послушался. Он напал на русское судно.

– Как напал, где? И Магиба с ним?

Все-таки не выдержал старый друг, одноглазый Фарах. Самый опытный и мудрый из бойцов Шарифа, который поддержал молодого амбициозного вожака в тот момент, когда ему не верил никто. Поверил, когда погиб прежний главарь, хитрый Али-акула, и тогда за Шарифом пошли и другие. Старый друг, который лучше других знал и понимал, что связывает Шарифа с Россией, почему тот принципиально не нападает на русские суда. Знал Фарах и то, что его вожак всячески, даже в ущерб отношениям с другими пиратскими кланами, препятствует таким нападениям. В чем же дело? Жадность, глупость, ошибка? Все эти мысли промелькнули в голове Шарифа за доли секунды.

– Магиба остался в катере, – продолжал рассказывать юноша, – он-то и передал обо всем и попросил сообщить тебе. Он уговаривал Фараха, но тот не послушался.

– Быстро в машину! – приказал Шариф, толкая Тарика к его драндулету. – Гони на побережье!

Сейчас он очень корил себя за то, что не поставил рацию еще и у себя дома. Тогда бы известие пришло намного раньше. Может быть, по радиосвязи удалось бы предотвратить это нападение? «Упустил я ситуацию, – думал Шариф с сожалением, – слишком доверился Фараху, совсем забросил своих бойцов… Вот она, любовь; вот она, роскошь в новом доме! Не надо было пытаться успевать все самому, надо было подбирать толковых помощников, чтобы не лезть потом в каждую мелочь. Тогда бы оставалось больше времени на то, чтобы контролировать все. А я решил, что сам со всем справлюсь. Вот и не справился!»

Тарик гнал машину так, что мелкие камни саванны фонтаном летели из-под колес на поворотах. Паренек понял, что случилось что-то плохое, если босс так всполошился. Тарику очень хотелось помочь Шарифу, которого он любил и уважал. Машину потом можно и починить, а вот беда, которая назревает, судя по настроению капитана, может быть куда страшнее.

Плато стало уступами спускаться к побережью, и еле заметная, накатанная редкими машинами грунтовая дорога стала извилистой. Тарик несколько раз чуть было не перевернул свой старенький «Форд», но все же справился с управлением. Шариф, сидевший рядом на переднем сиденье, казалось, и не заметил этих опасных ситуаций. Тарик искоса успевал поглядывать на босса, лицо которого исказила гримаса душевной боли. Шариф нервно кусал губы, стискивал кулаки и смотрел на дорогу стеклянными невидящими глазами.

Наконец показалась рыбацкая деревня на берегу небольшого залива. Американская армейская рация, которой пираты Шарифа пользовались для связи со своими судами, находящимися в море, находилась в мастерской Тарика. Почему она стояла там, а не у кого-то из опытных пиратов, которого Фарах назначал дежурить на берегу во время своих поисков, Шариф спрашивать не стал. Он догадался, что его одноглазый помощник сделал это умышленно, потому что знал, что объектом нападения будет русское судно. Верный друг Магиба сообщил об этом Тарику – значит, дружба для молодого эфиопа по-прежнему важнее добычи. Паренек как будто прочитал мысли своего босса.

– Я не знаю, почему Фараху взбрело в голову оставлять аппаратуру спутниковой связи мне…

Магиба отозвался почти сразу. Сквозь шум ветра и плеск волн ясно были слышны автоматные очереди.

– Кто все это придумал? Где вы находитесь?! – заорал в микрофон Шариф.

– В тридцати милях к северо-востоку! – кричал в ответ Магиба. – Примерно на траверсе мыса Ракун. Я ничего не смог сделать. Они все пошли за ним, хотя я уговаривал и угрожал твоим гневом. Прости, Шариф!

– Что за судно, что там сейчас происходит?

– «Московский университет», нефтеналивное судно. Русские застопорили ход, но что там на палубе, я отсюда не вижу. Наши сильно кричат и постоянно стреляют. Что-то там не так!

– Не отключайся, Магиба, я иду к вам! – приказал Шариф и тут же повернулся к Тарику: – Катер есть?

– Есть, – тут же ответил паренек. – Я двигатель регулировал все утро. Теперь бегает как новенький.

– Тогда бегом на берег! Заводи! – приказал Шариф Тарику и снова стал кричать в трубку: – Магиба, я иду к вам, через час буду…

– Какой час? – не понял эфиоп. – У тебя что, есть самолет? Мы сюда добирались десять часов, да по спокойной волне.

– Почему десять? – переспросил Шариф упавшим голосом, поняв, в чем дело. – Ты же сказал – тридцать миль.

– Извини, я оговорился. Конечно же, триста, а не тридцать. Мы на выходе из Аденского залива. Это Фарах придумал. Здесь считается уже безопасная зона, и военные корабли, если

они конвоируют суда, уходят назад. Не дергайся, Шариф, потом разберешься, а я отключаюсь, а то у меня питание кончается.

Катером оказалось чиненое-перечиненое стеклопластиковое корыто с таким же старым заезженным двигателем. Правда, побывав в руках молодого механика, движок резво завелся, уверенно держа обороты и реагируя, как положено, на повороты манжетки газа. Тарик, сидя в катере у деревянных мостков, подумал, что у них нет с собой оружия, но махнул на это рукой. Он надеялся, что усмирить своих пиратов боссу удастся и без стрельбы, все-таки авторитет его на побережье был очень высок.

Тарик удивился, когда увидел, что Шариф идет к катеру, уныло волоча ноги и опустив в задумчивости голову.

– Все, глуши мотор, – тихо сказал он пареньку и уселся рядом на просоленные морем доски.

– Что случилось, босс? – испугался Тарик, но послушно заглушил мотор катера.

– Они очень далеко, нам до них не добраться. А когда доберемся, то все уже будет кончено, – хмуро ответил Шариф и неожиданно грохнул кулаком по деревянному настилу мостков: – Я этому одноглазому последний глаз выбью, когда вернется!

Какое-то время предводитель пиратов сидел, закрыв лицо руками. Но наконец ему в голову пришла мысль. Если ничего уже изменить нельзя, то, может быть, есть возможность проследить за развитием событий? Он схватил телефон и стал набирать номер Пьетры. Оказалось, что журналистка уже вернулась из своей поездки в Джибути и как раз находилась в сомалийском офисе.

– Пьетра, у меня беда, – без лишних предисловий заявил Шариф. – Мне очень нужна твоя помощь.

Девушка собралась уже съязвить по поводу помощи, которую может оказать девушка матерому сомалийскому пирату, но по тону юноши поняла, что случилось что-то действительно серьезное.

– Ты знаешь мое отношение к России и к русским, – продолжил Шариф. – Один из моих командиров нарушил запрет и только что напал на русское судно. Ты можешь узнать по своим каналам, что там сейчас происходит?

– Если капитан подал сигнал о нападении, то думаю, что информация пошла, – ответила Пьетра. – Где произошло нападение и как называется судно, ты знаешь?

– Да. Танкер «Московский университет», в трехстах милях от северо-восточного побережья Сомалиленда.

– Ого! – удивилась журналистка. – Далековато твои парни стали забираться. Хорошо, я попытаюсь что-нибудь узнать; думаю, что информация теперь будет поступать регулярно. А ты лучше всего приезжай ко мне в офис. Если что интересное появится, то я тебе позвоню.

Шариф велел Тарику отвезти его домой. Через час, переодевшись, он уже мчался в город на своей машине. Первая информация, которую Пьетра получила из миссии ЕС «Аталанта» по борьбе с пиратством и передала Шарифу по телефону, выглядела примерно следующим образом. Российский танкер «Московский университет», принадлежащий ОАО «Новороссийское морское пароходство», в среду утром был захвачен сомалийскими пиратами. По данным миссии, на борту захваченного судна находятся 23 члена экипажа, все – россияне. Как отмечается в сообщении миссии, по всей видимости, моряки пока «чувствуют себя нормально». Местоположение танкера отслеживается по спутнику каждые 10 минут, как якобы заявил пресс-секретарь компании, которой принадлежит это судно. Немного подробнее была информация, полученная Пьетрой от «Интерфакса». Пираты обстреляли судно около 8.00 утра по московскому времени в 350 милях от берега к востоку от Аденского залива. В настоящее время связи с судном нет. Как стало известно, танкер (судно класса «афрамакс»), следовавший под флагом

Либерии в Китай, перевозил 86 тысяч тонн сырой нефти. Стоимость груза составляет примерно 54 миллиона долларов.

Ничего существенного эта информация Шарифу не давала. Ну, может быть, только то, что захват, скорее всего, удался. Однако что за дикая стрельба слышалась на борту, когда Шариф разговаривал с Магибой, что там происходило? Мучаясь от неизвестности и злости на Фараха, Шариф продолжал гнать и гнать машину, нарушая все правила дорожного движения, какие только существовали на свете. Никаких известий от Пьетры больше не поступало. И только когда Шариф уже вбежал в ее офис, поступили очередные новости. В частности, выяснилось, что до того, как связь с кораблем прервалась, капитан успел сообщить, что два маломерных судна с вооруженными людьми на борту предприняли попытку приблизиться к танкеру и открыли огонь из автоматического оружия. Капитан судна Тульчинский немедленно проинформировал о нападении коалиционные военно-морские силы, которые патрулируют регион. Якобы им же была установлена прямая связь с российским большим противолодочным кораблем «Адмирал Макаров». Русский авианосец в настоящее время следует по направлению к танкеру, однако, по расчетам специалистов, он подойдет к месту инцидента не раньше часа ночи.

– Они успеют уйти, – без всякой уверенности в голосе сказал Шариф.

– Уйти? – не поняла Пьетра. – А какой смысл было тогда нападать? 86 тысяч тонн нефти – очень хороший кусок. Разве они не собираются угнать судно к берегам Сомали?

Шариф молча пожал плечами. Ответов на вопросы журналистки у него не было. Столько нефти – это большие деньги! Но Фарах может и не знать, что на помощь идет русский военный корабль. На танкере ему от «Адмирала Макарова» не оторваться.

– Кстати, я тут раздобыла свежую сводку, – Пьетра стала рыться в куче распечаток. – В первом квартале этого года у побережья Сомали было захвачено 11 судов, взято в заложники 194 моряка, двенадцать из них были ранены. В 2009 году пираты захватили 47 судов разных стран мира, примерная сумма выкупа за них составила 82 миллиона долларов США. Средняя сумма выкупа за судно в 2009 году выросла до 1,75 миллиона долларов США. Интересно, сколько из них – твоих рук дело, а?

– Коммерческая тайна, – невесело улыбнулся Шариф, глядя, как журналистка роется в ворохе бумаг на рабочем столе. – Большинство – не мои…

Договорить он не успел. В комнату Пьетры заглянула худощавая девушка, одна из помощниц журналистки.

– Пьетра, мистер Харбор на линии!

Журналистка многозначительно вскинула указательный палец, призывая Шарифа замолчать.

– Здравствуйте, Джон, – промурлыкала она в телефонную трубку самым светским голосом.

Пока телефонный собеседник журналистки что-то отвечал ей, девушка весело хохотала, вставляя в беседу редкие междометия. Тем не менее ее рука схватила ручку и быстро что-то набросала на листке бумаги. Когда Пьетра пододвинула листок к Шарифу, он прочитал:

«Джон Харбор, представитель военно-морских сил Евросоюза в регионе. Друг отца».

Наконец лицо Пьетры стало серьезным. Она поднесла палец к губам, строго глянув при этом на Шарифа, и нажала какую-то кнопку на телефонном аппарате. Послышался мужской голос. Переключила на громкую связь, понял юноша, чтобы потом не пересказывать мне содержание разговора.

– …волнение, – говорил мистер Харбор, – поэтому пираты не с первого раза смогли подняться на борт. Несколько раз они предпринимали попытки атаковать и взять танкер на абордаж, но судну удавалось какое-то время уходить от погони. После очередной атаки с нами связался экипаж, так что в тот момент с ними все было в порядке. Но в последний раз с капи-

танского мостика с нами связывался по радио уже не капитан Тульчинский, а один из пиратов. Значит, им все-таки удалось подняться на борт. Правда, всегда есть надежда на то, что экипаж заперся где-то в танкере, но мы пока не можем ни подтвердить это, ни опровергнуть.

– А о чем шла речь с пиратом, который связался с вами по радио? – быстро спросила Пьетра, выразительно посмотрев на Шарифа.

– Это не он связался, а мы все время вызывали судно, – поправил журналистку мистер Харбор. – Просто он ответил на наш вызов. Он же и предупредил, что любые силовые попытки освобождения танкера окончатся для моряков плачевно. Сейчас мы подозреваем, что пираты ведут судно к сомалийскому побережью в районе города Гаракад.

– А что слышно о российском военном корабле?

– Пока – ничего. Мы в курсе, что капитан танкера связался с ним, но как скоро русские догонят захваченное судно и что предпримут, сказать трудно. Танкер – это серьезно, у пиратов в руках весомый аргумент. Они могут, например, пригрозить слить нефть в океан и устроить в регионе второй Мексиканский залив – как со скважиной «Бритиш Петролеум».

– А, теоретически, русские моряки смогут что-нибудь предпринять или нет? – продолжала настаивать журналистка.

– Теоретически – может, а практически… я не знаю, какие установки им даны. Вообще-то «Адмирал Макаров» выполняет задачи борьбы с пиратством в районе Африканского Рога и Аденского залива. На борту у него, насколько я знаю, два вертолета морской палубной авиации. Кроме того, на корабле и двух вспомогательных судах находятся подразделения морской пехоты. Корабли Тихоокеанского флота ранее сменили в зоне Африканского Рога и Аденского залива отряд кораблей Северного флота.

– А вы разве не связывались с русскими по поводу этого захвата? – стала заходить Пьетра с другой стороны.

– Обязательно, – подтвердил мистер Харбор. – Это первое, что мы сделали. Я знаю, что об этом инциденте были проинформированы и российские власти, и сторона, фрахтующая судно. Источники в силовых структурах РФ пока не подтверждают того, что судно захвачено, однако и не исключают такой возможности. У них, видите ли, кроме факта прервавшейся связи, имеется дополнительная информация, которая указывает на то, что танкер мог быть захвачен пиратами. Я бы сказал, что русские слишком секретничают, вместо того чтобы обратиться за помощью к мировому сообществу и коалиции международных морских сил.

– Коалицией принято какое-нибудь решение?

– Решение о проведении каких-либо действий в отношении пиратов будет приниматься на месте после оценки ситуации. Находящиеся в районе военные корабли других стран также пытаются выйти на связь с российским танкером.

– Ладно, Джон, спасибо вам за информацию! Если вы не против, я еще позвоню вам в течение дня. По старой дружбе.

После долгих прощаний и заверений в самой искренней дружбе Пьетра наконец положила трубку. Лицо Шарифа ей не понравилось. Он сидел как каменный истукан и напряженно смотрел в одну точку.

– Возьми себя в руки, что ты раскис! – с неудовольствием сказала Пьетра и осеклась. Взгляд, которым ее окатил Шариф, был не взглядом человека, впавшего в уныние. Оказывается, юноша все это время просто сдерживал бешенство.

– Если кто-то из русских пострадает, я лично убью Фараха! – прорычал он. – И потом, я не думаю, что он целую неделю просто прохлаждался в море. Посмотри-ка по своим сводкам, какие еще нападения произошли в том месте или в непосредственной близи от него.

– Сейчас, – кивнула Пьетра, повернувшись к своему компьютеру, – новости мне должны поступать постоянно, тем более те, которые касаются этого дела. Вот смотри, ребята молодцы! Они подняли все сообщения, которые проходили по аналогии с этим случаем. Несколько дней

назад танкер «NS Commander» также подвергся нападению пиратов в 300 милях берега к востоку от Аденского залива. Члены команды сумели отбить атаку с помощью водяных пушек и уйти от морских разбойников. Судно следовало в Сингапур, когда его стали преследовать три лодки с пиратами, вооруженными автоматами и гранатометами. Пираты обстреляли судно, но никто при этом не пострадал.

– Точно, это Фарах! – убежденно заявил Шариф. – Он несколько дней дежурил в том районе. А это чье было судно?

– Тоже российское, это все суда из судоходной компании «Совкомфлот», которая является одним из крупнейших в мире пароходств, специализирующихся на перевозке энергоресурсов. Ого! – неожиданно воскликнула Пьетра. – По данным компании, рыночная стоимость действующего флота составляет около 3,19 миллиардов долларов. В 2010 году компания планирует увеличить флот еще на пять судов.

Девушка некоторое время перебирала информацию, постоянно поступающую на ее компьютер.

– Вот, наконец-то и российский МИД обозначился. А я думала, что они отмолчатся по этому поводу. Что тут у нас? Ага… МИД России подтвердил, что танкер «Московский университет» с российским экипажем захвачен пиратами к востоку от берегов Сомали. А это кто у нас? Заместитель директора департамента информации и печати МИД РФ Игорь Лякин-Фролов… Дальше что? Состояние членов экипажа выясняется. По словам дипломата, в настоящее время внешнеполитическое ведомство анализирует ситуацию. Задействованы ресурсы спецслужб, а также используются возможности наших посольств в регионе. Ага, вот и выдержка из интервью. Что он тут отвечает? Отвечая на вопрос о том, может ли Россия обратиться за содействием к ЕС и НАТО с целью освобождения судна, Лякин-Фролов сказал: «Пока говорить об этом рано. Главное – освободить людей. Но любые возможности, включая взаимодействие с ЕС и НАТО, если оно нам будет предложено, исключать нельзя». Значит, пока решения о штурме не принято…

– Ты думаешь, что они открыто объявят о своем намерении штурмовать? – усмехнулся Шариф. – Они будут до тех пор, как говорят русские, толочь воду в ступе для всех окружающих, пока не сделают то, что решили. Только тихо. Хитер Фарах, за что я его и ценил… Получается, что на танкер напали в зоне, считавшейся безопасной. Он ведь знал, что в зоне Аденского залива находятся и корабли НАТО, и российские корабли. В том числе и этот «Адмирал Макаров», который вел танкер «Московский университет» до безопасной зоны. Потом военные отпустили танкер, и тут произошел захват. Молодец!.. Но он точно бросает мне вызов, нападая на русских, и я ему этого не прощу! Ладно, Пьетра, я поехал. Если что прояснится или будет другая свежая информация – ты позвони мне, хорошо?

– Подожди, я тебя провожу, – в задумчивости сказала журналистка, продолжая что-то рассматривать на экране монитора.

Шариф поднялся, прошелся по кабинету и, увидев, что девушка собирается вставать, взялся за ручку двери.

В общей комнате, куда выходила дверь кабинета Пьетры, было людно. К тому же там шел жаркий спор.

– Морских разбойников уже не вздернешь на рее, как это делали несколько сот лет назад во времена Моргана, Флинта и Дрейка, – разводил руками молодой потный, несмотря на работу кондиционера, очкастый толстячок. – Тогда не требовалось вообще ничего: ни трибуналов, ни судов. Поймал на месте преступления – и пеньковый галстук на шею!

– Все равно, – в запале спора размахивала руками худая девушка, которая недавно заглядывала к Пьетре, – силовой вариант не исключен.

– Естественно, – усмехнулся смуглый крепыш с темными вьющимися волосами, судя по всему, тоже итальянец; Шариф постоянно ревновал его к Пьетре. – Если на сцене висит

ружье, то в последнем акте оно обязательно выстрелит. Закон жанра. В данном случае у нас на заднем плане не ружье, а большой противолодочный корабль. Но это не решение проблемы, господа. Думаю, существует лишь один рецепт, самый радикальный. Бороться с пиратами на море невозможно и бесполезно. Порядок нужно наводить на суше. Крупные боевые корабли, которые сопровождают караваны с грузами и пассажирские суда, не всегда эффективны для борьбы с легкими моторными лодками и даже плавучими базами пиратов. Собираясь бороться с пиратством у берегов Сомали, надо прежде всего навести порядок в самой стране. Должен быть кто-то ответственный за ситуацию в Сомали, кто сможет своими силами провести любую антипиратскую операцию на берегу, даже боевую. Пока этого не произойдет, мы всякий раз будем удивляться, почему огромные ракетные крейсеры не могут справиться с ничтожным, по их меркам, противником.

– Пардон, но здесь есть еще один сложный вопрос, – поднял палец толстяк. – А как вообще наказывать пиратов? Хорошо, не смотрите на меня такими глазами. Я уже не о пеньковых веревках говорю, а о юридической стороне дела.

– Это тоже большой вопрос, – согласился смуглый красавец. – Кто будет их судить? Африканские страны уже, что называется, бьются в истерике. Просят забирать пиратов в ту страну, корабль которой их захватил. А никто из вас не задумывался о том, что это приведет лишь к стимулированию пиратства? Были уже и курьезные случаи, когда семьи пиратов, захваченных германскими моряками, тут же немедленно выезжали в Германию, визжа от счастья. Потому что пираты, выходя после короткого тюремного заключения, по германским законам имеют право осесть в стране. Как вам нравится такой способ натурализации в Европе? Да еще и с полным бумажником! Поэтому речь должна идти о создании антипиратского трибунала под юрисдикцией ООН. Для современной цивилизации старый рецепт – поймали пирата и на рею – неприменим. Сейчас мы живем в другое время, и найдется миллион высокопоставленных критиков такого рода действий. Обязательно найдутся деятели, которые заявят, что такие действия негуманны…

Дальше Шариф слушать не стал, потому что Пьетра, наконец, встала из-за стола и подтолкнула его в спину. Спор в комнате сразу утих, и воцарилась гробовая тишина. Многие, будучи ушлыми журналистами, знали, или, по крайней мере, догадывались, что этот молодой сомалиец, который так дружен с их боссом, имеет определенное отношение к тем, кого они сейчас так жарко обсуждали. Присутствующие догадались и о том, что большую часть их разговора гость Пьетры прекрасно слышал. Шариф усмехнулся и не удержался от того, чтобы не подурачиться. Он сделал зверское лицо и, обведя присутствующих недобрым взглядом, вышел вместе с Пьетрой на улицу.

– Что будешь делать? – спросила журналистка.

– Поеду к своим, – зло ответил Шариф. – Устрою им хорошую взбучку и крепко пригрожу. Если хоть один, будь он мне самым ближайшим другом, только подумает о нападении на русских, пристрелю не задумываясь.

– А может быть, ты просто заигрался в детство, Шариф? Что было, то прошло. Твоя родина здесь, твой народ здесь. Что из того, что ты провел в России несколько лет? Если ты сейчас начнешь ломать систему, то система сломает тебя. Пойми, что от тебя отвернутся люди, которые уважали тебя, верили тебе… Принципы хороши тем, что их нужно иметь, но от них стоит вовремя отходить. Не уважают беспринципных и излишне принципиальных. Нужно быть гибче, Шариф, эластичнее – а ты прешь напролом, как дорожный каток! Да дались тебе эти русские, тебя там уже и не помнит никто.

– Перестань! – оборвал Пьетру Шариф.

Девушка посмотрела в его лицо и замолчала. Ей показалось, что из глаз этого бывшего рыбака, а теперь миллионера, вот-вот брызнут слезы обиды. Ну что с ним делать? Большой ребенок! Чем же ему так мила эта Россия, что не отпускает его память и душу уже столько лет?

Казалось бы, там он ничего не имел, там его обижали, унижали. Он ведь сам сбежал оттуда. А здесь у него есть все, чего он только ни пожелает. Даже благосклонность богатой итальянской журналистки…

– Я знаю, что это сложно понять, – несколько успокоившись, ответил Шариф. – Дело не в единичных случаях и фактах. Не в том, что русские моряки спасли меня от смерти и взяли в свой дом. Не в том, что у меня там были первая любовь и первый друг. И не в том, что нашлись люди, которые хотели и пытались меня унизить и оскорбить, потому что у меня другой цвет кожи. Такие, кстати, есть везде и в любой стране. Дело совершенно в другом, Пьетра. Я давно пытаюсь тебе это объяснить, но ты все никак не поймешь. Они совершенно другие, эти русские. Они добрее, душевнее всех тех, кого я знал на этой земле и с кем встречался. Они не живут только доходами и расходами, они не живут одной-единственной целью – разбогатеть. Нет, они, конечно, страдают от недостатка, как и все на земле. Они все желают более достойной жизни, даже мечтают о ней. Дело в том, что у них это не стиль жизни, не стержень. Они живут гораздо шире, если ты поймешь это сравнение. Они умеют радоваться хорошей погоде и даже в плохой находят очарование. Они умеют радоваться и ценить, они умеют сопереживать, просто жалеть… У нас таких людей мало; большинство стремится пройти мимо ближнего своего, не обращая внимания на его нужды и проблемы. А они не такие. И у них таких большинство – хотя есть и такие же уроды, как и везде, которые за доллар готовы родную мать продать. У них есть хорошее выражение – «из грязи в князи». Оно означает, что человек, который вышел из самых низов, начинает презирать всех тех, кто ниже его. А вот культуры, воспитания, позволяющих вести себя достойно в обществе, не хватает. Отсюда и смешные амбиции. Такие люди в России не пользуются уважением… В общем, русские мне очень дороги. Не те, кто непосредственно участвовал в моей судьбе, а весь этот народ. Ты вот не знаешь русского языка и не можешь почитать их писателей в подлиннике, а я могу. Это величайшая культура, мудрая и добрая. Они инертны, где-то даже ленивы, но никто на всем свете не умеет так любить и так ненавидеть.

– Тогда плохи дела твоих людей на этом танкере, – покачала головой Пьетра, впечатленная речью молодого сомалийца. – Я слышала, что русских лучше не злить, потом их уже не остановишь. Как во Второй мировой войне.

– Сами виноваты! – со злостью ответил Шариф, имея в виду своих людей. Потом он потупился, как будто устыдившись своей горячности, с которой отзывался о России и русских. – Прости, я тут разошелся…

Пьетра смотрела на своего друга со снисходительной улыбкой. Она, человек с высшим университетским образованием, изучавшая психологию, имеющая богатый опыт общения с людьми по роду своей профессии, прекрасно понимала, что творится в душе у Шарифа. Детские впечатления – самые сильные. И этот парень, который за последние годы буквально прошел огонь, воду и медные трубы, все еще оставался ранимым и впечатлительным, верящим в малореальные идеалы. Она уже встречалась с такими людьми, знала исторические примеры, когда такие вот, как этот Шариф, нарисовавшие себе яркими акварельными красками цель в жизни и окружающий мир – такими, какими они их видели, а не такими, каковы они были в реальности, – такие люди шли со своими идеалами, как со знаменем, боролись и погибали за них, не моргнув глазом. Редкое сочетание слабости и силы, инфантильности и упорства в достижении цели, отстаивании своих идеалов, граничащих с фанатизмом. Маньяк, верящий в светлое и идущий к нему по колено в грязи, гораздо сильнее маньяка, проповедующего темное, проповедующего грязь и насилие. Сильнее, потому что он смотрит вверх, а не под ноги, потому что он счастлив уже от своей борьбы и перспектив победы. Но самое главное, что он беззлобен; а злоба разъедает человека изнутри, это болезнь, пускающая свои метастазы в самые глубины естества. И этим Шариф отличался от других. Для Пьетры он был похож на светлого и немного не от мира сего революционера, философа-утописта из прошлого нашей цивилизации.

Из-за этого утопического инфантильного перекоса в понимании справедливости Шариф в свое время и занялся тем, что во всем мире именуется пиратством. Хотя сам он считал, что силой берет то, что международное сообщество должно давать его несчастному народу в виде добровольной помощи. По этой же причине он не так давно связался и с функционерами «Гринпис», считая, что обязан внести свой вклад в защиту природы своей страны.

Разочаровавшись в этом движении и поняв, что его просто доят, как большую денежную корову, он попытался собственноручно проводить акции, которые, по его мнению, должен был проводить «Гринпис». Пьетра хорошо помнила историю с захватом судна, перевозившего пойманных животных в европейские зоопарки. Тогда одна из телекомпаний умудрилась даже снять кадры, на которых пираты, подогнав судно к берегу, выпускали животных на свободу. Теперь вот – эта идея фикс, что все русские хорошие, а остальные – плохие. По этой причине он принципиально не грабит русские суда и всячески пытается препятствовать в этом остальным кланам. Пока над ним только смеются, но это пока…

Шестеро командиров групп клана Шарифа Туни ждали своего хозяина на берегу. Клан контролировал участок северного побережья Сомалиленда протяженностью почти в восемьсот километров. На этом участке располагались десятки рыбацких деревень. В нескольких из них были оборудованы ремонтные базы для катеров, неплохо оснащенные пункты медицинской помощи, куда можно было доставить раненых и куда в течение часа мог добраться ближайший врач. Восемь таких врачей Шариф нанял полтора года назад. Они оказывали медицинскую помощь рыбакам «подшефных» деревень, а в случае необходимости могли выехать на любой участок побережья и даже провести операцию.

Имелись и три хорошо укрытые и защищенные бухты, куда можно было загнать похищенный корабль, где можно было его разгрузить. Были у Шарифа и свои тайные тюрьмы, где периодически в ожидании выкупа содержались заложники из числа капитанов и старших офицеров, захваченных во время нападений в море.

Всех своих пиратов Шариф разделил на семь групп по двадцать-тридцать человек. В каждой группе, помимо катеров, имелись еще и так называемые плавучие базы. Это были старые списанные или купленные по поддельным документам полицейские и военные катера береговой охраны. Их отремонтировали и немного переделали. Теперь такая плавбаза, взяв на буксир несколько быстроходных катеров, могла доставить пиратов в нужную точку океана, где они в приемлемых условиях ждали появления нужного объекта нападения. Там можно было готовить горячую пищу, пережидать волнение моря, просто ночевать в тепле и с относительными удобствами. Тактика использования плавбаз у каждой группы была своя, и они уходили на них порой на пятьсот, а то и на тысячу миль от своего берега. Иногда плавбазы теряли, когда группа нарывалась на военные корабли и уходила от преследования на быстроходных катерах. На такой плавбазе и ушел в поиск Фарах, которого не было сейчас среди вызванных главарей.

Шестеро собравшихся пиратов с удивлением обсуждали то, что их вызвали не как обычно в дом Шарифа, а сюда, в ближайшую рыбацкую деревню, которая являлась базой Фараха. Шариф сделал это умышленно. Последние события навели его на мысль, что он слишком погряз в роскоши и стал терять контроль над парнями, да и вообще над своим разноплановым бизнесом. Теперь он решил, что не стоит устраивать офиса из дома, где живешь. Нужно выезжать на места, общаться и видеть все своими глазами, а не слепо доверять докладам по телефону.

Солнце уже наполовину скрылось за плоскогорьем, редкие деревья и кустарники прибрежной саванны пустили длинные тени. К берегу подходили рыбацкие лодки с уловом, где их шумно встречали женщины и дети с корзинами. Главари групп хмуро наблюдали деревенскую суету, от которой они уже отвыкли, хотя сами когда-то были такими же рыбаками.

Наконец, хрустя колесами по мелким камням, к берегу подъехала машина босса. Шариф бодро выскочил из кабины, одетый в легкую полурасстегнутую рубашку, шорты и кожаные сандалии. Рыбаки и женщины приветливо махали своему знатному земляку, что-то кричали и смеялись. За те несколько лет, что Шариф возглавлял пиратов на этом участке побережье, жизнь здесь наладилась, рыбаки стали жить сытнее.

Босс подошел к вызванным им командирам групп и молча уселся на старую перевернутую днищем вверх лодку. Пираты стояли, не зная, как себя вести, но понимали, что босс сильно не в духе. Каждый искоса посматривал на своего соседа, думая, а не он ли причина недовольства хозяина. Может, утаил часть добычи, может, решил переметнуться к конкурентам…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.